



Левсет Дарчев

**Сын будет
таким, каким
воспитаешь**

Лезгинская поговорка

Левсет Насурович Дарчев

Сын будет таким, каким воспитаешь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40941316

ISBN 9785449632227

Аннотация

Методы воспитания детей на Кавказе те же, что и сотни лет назад. Тяготы и лишения закалывают характер, скалы и тропы – выносливость, неудачи – целомудрие и опыт. Они целыми днями представлены самим себе – в этом их не остановят ни опасности, ни травмы. Но эта свобода всегда под контролем старших. Оторвавшись от опеки родителей, они смело вступают во взрослую жизнь, никогда не забывая о наставниках, которые от них будут ждать большие дела и благородные поступки.

Содержание

Незванные гости	5
Сенокос	13
День свадьбы	16
Сумка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сын будет таким, каким воспитаешь

Левсет Насурович Дарчев

*«СЫН БУДЕТ ТАКИМ, КАКИМ
ВОСПИТАЕШЬ»*

(Лезгинская поговорка)

*Посвящается Герою и Заслуженному строителю
Дагестана Джабраилу Гаджи, который в 85 лет
продолжает работать руководителем предприятия,
не забывая о тех принципах, которые заложил в него
дед много лет назад.*

© Левсет Насурович Дарчев, 2019

ISBN 978-5-4496-3222-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Незванные гости



Первыми о наступлении утра оповещали петухи, кукарекая раскатистым

гимном по всему селу. По выработанной с годами привычке Гаджали из Кураха вставал одним из первых, потому что он с детства освоил один урок хочешь хорошо жить, надо трудиться. В его хозяйстве было два быка для пахоты, лошадь, на котором он любил ездить по окрестным селам, где у него было много друзей.

Этот июньский день был насыщен запахами лета- трава на горных лугах ждала своего часа, поблескивая в лучах солнца зеленым переливающим цветом и раскачиваясь на ветру. Следом покос пшеницы, затем помол и пахота.



Гаджали вернулся домой с сенокоса вместе с сыном Абреком, взрослым юношей, который уже стал опорой по ведению хозяйства, иногда ленивый, иногда шальной, временами трудолюбивый. Они, поджав ноги, расположились на ковре за скатертью. Замаячила дочь Галима в распашном платье, штанах из черного бархата, низ которых был украшен разноцветной тесьмой. Длинная коса спрятана в чухта, сшитая из дорогого шелка. Туникообразная рубаха с прямыми встроенными рукавами с вертикальным разрезом на груди подчеркивала ее высокую, стройную фигуру, которая делала ее похожей на лань- вся собранная, ни нотки голоса при отце, на лице ни тени улыбки. Со светлыми глазами, тонким поющим голосом и благородным отзывчивым сердцем она больше была похожа на свою мать. Трудолюбие, дисциплину, принципиальность унаследовала у отца. Временами отец,

видя ленивость сына, жалел, что она не родилась мальчиком. Быстрыми, размеренными движениями она подала свежий горячий лаваш, кусок овечьего сыра и суп из айрана с рисом.

В комнату вошла обескураженная жена – Селима.

– Гаджали, у нас гости, – мрачно сообщила жена с порога.

Гаджали поднял суровый взгляд на нее. Ровные арки бровей и тонкие губы подчеркивали его решительный характер.

– Кто такие? – спросил Гаджали и встал с легкостью охотника.

– Не знаю, – ответила Селима. – Говорят из Ахты.

Гаджали, еще спускаясь по лестнице, по голосу узнал старого знакомого Керима. Только он не знал и не мог догадаться, зачем он к нему пожаловал.

За воротами дома стояли три всадника на породистых лошадях в длинных серых подпоясанных бешметах, на боку висели кинжалы, оправленные в серебро.



– О-х, Керим, – произнес Гаджали, раздвинув руки для объятий. – Какими судьбами! – Церемония рукопожатий. – Заходите домой. Пошли, пошли. – Он завел их в гостевую комнату. Жене Гаджали на ходу повелел приготовить хинкал из сушеного мяса.

– Да, нет спасибо, Гаджали, – отказался Керим, усаживаясь на толстую подушку, набитую шерстью. – Мы ненадолго и по очень деликатному вопросу. На хинкал у нас еще будет много случаев.

– Ну, рассказывай, какие у вас новости в Ахтах, – начал беседу Гаджали.

– Ничего нового, – сказал Керим. – Тихо идет коллективизация, и ты же знаешь- у меня самый большой двор в селе. У начальников большие планы. Они хотят освоить и склоны гор и долину реки- вообще, я дал добро и отдаю своих коров и лошадей в колхоз. Думаю, зачем идти против течения. К тому же, моему сыну предложили стать председателем.

– О-о, – одобрительно кивнул Гаджали, – это уже меняет дело.

Керим лукаво и многозначительно улыбнулся.

– Гаджали, – начал Керим, переходя на официальный тон, – мы с тобой давно друг друга знаем. Ты влиятельный человек в твоём селе, а меня хорошо знают в Ахтах. И- и, – он замешкался, раздумывая над каждым словом, – нам следовало бы быть теснее. Ну, другими словами, нам бы следо-

вало скрепить семейные узы.

У Гаджали, который уже догадался, в чем дело, дрогнула мышца на лице, и он с напряжением продолжал слушать самого богатого человека в Ахтах.

– У меня есть сын, – продолжал гость, – он уже взрослый, самостоятельный мужчина. А у тебя дочь, Галима. И я вместе с моими братьями пришел в твой дом просить руки твоей дочери.

Гаджали застыл и продолжал сидеть с открытым ртом, от неожиданности не в силах произнести ни слова.

– Это будет богоугодное дело, Гаджали халу, – продолжил другой, видимо младший брат Керима. Из под папахи из овечьей шкуры на Гаджали смотрели карие глаза, которых разделял нос с горбинкой. Он тоже хочет убедить меня в богоугодном деле, успел подумать Гаджали.

– На все воля Аллаха, Керим, – наконец выдавил Гаджали. – Я и не думал, что моя дочь такая уже большая, и ее можно выдать замуж. – Время так быстро бежит, и я не замечаю, как все меняется. – Я не знаю, что и сказать.

– У нас славный и уважаемый род, Гаджали халу, – вмешался в разговор третий с квадратным лицом. – Вы не пожалеете – мы будем беречь ее как зеницу ока. Мы, прежде чем придти в ваш дом долго думали и решили, что наше объединение станет хорошей основой для дружбы двух сел. Этот косой – еще и политик, подумал Гаджали, складно говорит.

– Я не могу дать вам ответ сразу, – вежливо произнес Га-

джали. – У меня есть старший брат. Я должен обсудить это.

– Конечно, конечно, – согласно кивнул Керим. – У нас есть время, и мы можем подождать.

Гаджали склонил голову в нерешительности. Он понимал, что это хороший вариант, чтобы обзавестись родственными отношениями с состоятельным родом: у его сыновей будет хорошая опора и поддержка, а у дочери будет обеспеченная жизнь.

Вдруг дверь в гостиную приоткрылась, и появилась голова Селима.

– Извините, – произнесла она робким голосом. – Гаджали, можно тебя.

Она увлекла мужа в дальний угол коридора.

– Они пришли засватать Галиму? – спросила она немедленно.

– Да, – коротко произнес Гаджали

– Ты уже решил? – Селима смотрела в глаза мужа.

– Нет еще.

– И не думай!

Гаджали нахмурился.

– Почему?

Селима молчала, – она не знала, как это сказать мужу..

Она проглотила комок.

– Ты знаешь сына Габиба, Раджаба?

– Знаю.

– Он примчался только что и...

– Что «И»?

Селима подняла глаза полные ужаса на мужа.

– Он сказал, что если вы выдадите ее замуж, то он ее сегодня же похитит, – произнесла Селима дрожащим голосом, – она в подавленности опустила голову.

Гаджали пришел в ярость – его зубы заскрежетали.

– Он, сын Габиба, будет диктовать мне условия. Я убью его. – Гаджали, забыв, что дома у него гости, направился за ружьем. Селима вступила вперед и взмолилась.

– Гаджали, я тебя умоляю, не делать этого. Не надо пачкать себя кровью. И... – она сделала паузу. – О дочери подумай.

– Что! – громко прокричал Гаджали, теряя самообладание. – Что ты говоришь. Моя дочь...

Гости, тихо сидевшие в гостиной, глядя друг на друга и безучастно шаря глазами по интерьеру комнаты, услышали глухой выстрел, затем окрики: «Остановись. Не надо убивать» – и они переполошились. Младший аж подпрыгнул на месте и тупо уставился на старшего брата.

– Что такое? – выдавил он с открытым ртом и скосившимися от страха глазами. – Он хочет нас убить. Уходим!

В коридоре шум усиливался.

Братья вскочили, и один из них сунул голову в проем двери и застыл

– Пустите меня, – кричал Гаджали, вырывая ружье из рук жены и подоспевшего сына. На полу лежали осколки разбитого от пули глиняного кувшина, залитые его содержимым.

молоком.

Гости, молча, прошмыгнули мимо разбушевавшегося не на шутку хозяина дома, опасливо глядя по сторонам, быстро отвязали лошадей и дали деру.

– Слава богу, – сказал косой, вздыхая с облегчением, – успели унести ноги живыми. Ей богу, эти курахцы, я всегда говорил, ненормальные какие-то. Расскажи кому- не поверит: всего то хотели засватать его дочь, а он в ружье. Нет, я больше в Курах за невестой – никогда, брат. Так что, давай ищи невесту где-нибудь в другом месте, но только не в Курахе.

Сенокос

Гаджали долго не мог прийти в себя от ярости, когда какой-то сопляк бросил ему вызов и поставил условия. Коса Гаджали скользила по траве со свистом, и он после каждого взмаха шел на один шаг вперед. Разбираясь со своими мыслями, куда глубоко впутался сын Габипа, он то и дело останавливался, подпираясь косой и глядя на село.

– В чем дело, папа, ты устал? – спросил Абрек, приблизившись к нему и сделав последний взмах.

– Не могу успокоиться, – прошипел Гаджали, мотнув головой. – Еще никто не позволил себе так поступить со мной – прийти ко мне домой и сказать:» Я похищу твою дочь». – Абрек стоял с опущенной головой, не желая нарушить разговор отца с самим собой. – Ты хоть знаешь его- этого Раджаба?

– Да.

– И что ты можешь сказать о нем?

– Высокий парень с зелеными глазами...

– Подожди, подожди, – оборвал его отец. – Меня не интересует цвет его глаз. Ты мне скажи, что за семейство.

– Что он, что его отец – трудолюбивые, отзывчивые люди, – поведал Абрек, разжевывая длинный свисшийся к подбородку стебель травы. – Еще, Раджаб с характером – нико-

му не даст себя в обиду.

– Тогда, почему они такие бедные?

– Не знаю, папа, – признался Абрек. – Может, они просто невезучие. Недавно у них сгорел сарай, и им пришлось продать всю живность. К тому же, папа, богатство в таких делах – не главное. Бедность может подкрасться в любой дом.

– Хватит, хватит, – Гаджали гневно остановил сына, подняв руку. – Уму разуму меня учишь. Никто не сможет мне доказать, что бедность лучше, чем богатство.

– Я не это имею в виду, папа, – Абрек продолжал отстаивать свою точку зрения. – В обществе людей ценят не по количеству денег, а по их отношению к другим людям. Ну, например, возьмем Рагима, директора школы, который первым в селе получил высшее образование. Он, я бы не сказал, что богатый, но смотри, каким уважением он пользуется в селе..

– Он стал твоим учителем, сынок? – с возмущением произнес Гаджали. – Ты несешь какую-то Галиматью. Речь идет о твоей сестре, о ее судьбе, а ты мне решил лекцию по нравственности прочитать. Завтра не получится так, что твоя сестра придет к нам с опущенной головой, жалуясь на трудности, связанные с бедностью. И тогда этот Керим из Ахты будет смеяться надо мной за непредусмотрительный шаг. Ты об этом не подумал. – По тону голоса было видно, что Гаджали примерял Раджаба в качестве зятя и искал ему место в своем разбушевавшемся сердце.

– Я не знаю, – коротко ответил Абрек. – Этого никто

не может знать. Раджаб может добиться большего, чем его отец. А решать, как поступить – тебе, папа, как главе семьи.

– Ты я вижу не против, – Гаджали наконец поставил вопрос ребром.

– Нет, – ответил его взрослый сын, полностью отдавая себе отчет за судьбу сестры, зная хорошо своего друга по имени Раджаб.

День свадьбы

Галима в день свадьбы в нарядном платье, сшитым по линии талии с лифом, плотно облегающим фигуру и с нагрудником из дорогого бархата, увешанным серебром выглядела необычно красиво.

Отец стоял среди гостей в традиционной распашной черкеске белого цвета, изготовленной из верблюжьей шерсти. Черкеска была одета поверх бешмета с нагрудным разрезом. Отец в папахе выделялся среди всех высокой и строгой осанкой. Он больше молчал и был в гнетущем настроении. Галима хорошо запомнила эту папину парадную форму, потому что она за ней следила, перешивала пуговицы, меняла разрезы и манжеты, пришивала накладные карманы, а когда он несколько лет назад собрался на встречу в Ахтах с Нажмутдином Самурским, то попросил карманы убрать – мода быстро менялась.

Во всей свадебной церемонии только один раз ее глаза поймали грустные, полные печали глаза отца, и ее сердце застучалось еще сильнее: ее обуревало чувство, что нить, которая соединяет ее с ним, натянулась и вот- вот порвется. Это- прощание: прощание с детством, с отчим домом, где она была окружена любовью и вниманием. Голоса свадебной песни глушили ее мысли, но остановить поток ее слез не мог никто. Она понимала, что вступает во взрослую жизнь и чу-

жую семью, полную неизвестности и сомнений.

Время шло, а Гаджали не мог себе простить, что пошел на поводу у жены и сына Абрека, а также поддался на уговоры Раджаба и его высокомерию: « В качестве калыма я отдам мешок денег, хотя Галима стоит дороже» Его дочь продолжала жить в нужде, хотя она никогда не показывала этого, не жаловалась и все время продолжала жить в ожидании чуда. Это» чудо» пришло через два года: она родила сына и дала ему имя отца по его наставлению- коротко- «Гаджи».

Сумка

У Гаджали с утра было плохое настроение- год выдался неурожайным: яблоневого сада навевал тоску- под осадой гусениц яблоки скукожились, а сливы не уродились вовсе. Вернувшись домой в полуденное время, он на крыльце заметил незнакомую набитую тканевую сумку. Он из-за любопытства раскрыл ее и нащупал рукой банку меда, кусок овечьего сыра и масло. Его лицо изменилось – губы поджались, глаза прищурились, и он гневно крикнул:

– Селима!

Селима сбежала по лестницам вниз и застыла, увидев мужа над раскрытой сумкой. Она вспомнила его распоряжение – никому ничего не давать и перестать быть больной на сердце. Она имела привычку делиться со всеми, кто нуждался. А тут – родная дочь.

– Что случилось, Гаджали?

Гаджали перевел глаза на сумку.

– Это что?

Селима растерялась.

– Это для нашего внука.

Гаджи в это время находился дома и до его ушей стали доноситься слова деда со двора – он стал прислушиваться.

– Я не дурак и догадываюсь, что это для Раджаба, – продолжал Гаджали громко.

– Тихо говори, – прервала его жена. – Гаджи дома и может услышать.

– Пускай слышит, – проорал Гаджали. – Он такой же лентяй, как и его отец: не учиться и никаких целей в жизни нет. Я не намерен кормить семейство Габиба. – У них что, нет рук. Пусть работают и зарабатывают.

Руки четырнадцатилетнего Гаджи, который демонстрировал маленькому племяннику собственное изобретение- детскую игрушку, где акробат кружился вокруг нитки, натянутой между двумя палками при их натяжении- остановились. Он услышал, как дед плохо стал отзываться о нем и его отце. Кровь прихлынула к лицу, и оно побагровело. В этот момент он хотел превратиться в птичку и вспорхнуть вон через окно, чтобы не попасться под глаза строгого деда. Он спустился со второго этажа и поплелся мимо деда под пристальным вниманием бабушки на выход.

– Гаджи, – позвала бабушка, – забери сумку, сынок.

Гаджи не отозвался – он ушел с окаменевшим сердцем. От обиды его сердце разрывалось на мелкие кусочки, а глаза застилала слезы. Он вышел наружу и глубоко вздохнул. В один момент он весь собрался и воспрянул духом и вдалеке четко увидел заснеженные вершины Шалбуз Дага, которому совершенно нет дела до его чувств. Надо найти выход, и он нашел путь, по которому надо идти, чтобы прокормить себя и свою семью. Он вдребезги разбил игрушку и побежал, не останавливаясь, пока не добежал до дома бригадира кол-

хоза, чтобы устроиться работать к нему на время школьных каникул.

– Хм, да ты еще маленький, Гаджи, – урезонивающе произнес бригадир Аслан халу, интеллигентный, с кепкой на голове и в резиновых сапогах. – В какой класс ходишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.